

Перова Елена Анатольевна

"НОВОЕ" КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ "ДЕРЕВНЯ" В 1950-1960-Е ГГ.

На материале текстов ведущих газетных изданий периода хрущевской "оттепели" выявляется вербальная реализация, а также особенности функционирования такого важного семантического компонента в структуре концептуализируемого понятия "деревня", как "новое". Автор особо подчеркивает обусловленность смыслового наполнения исследуемого компонента экстралингвистическими факторами, характеризующими газетный дискурс выбранного периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 138-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

располагает, но не знает, чем его заполнить. Глаголы в таком случае обозначают способ использования этого времени: *Чтобы как-нибудь убить время, он целыми днями сидел на нарах, вырезывал из дерева ложки, выдалбливал миски, искусно мастерил из мягких пород игрушечные фигуры людей и животных* [Там же, с. 682].

Субъективное восприятие времени главным героем характеризуется множественностью форм его протекания, отражая длительность, скорость протекания и последовательность реальных явлений. В большинстве своем восприятие времени Григорием в первых частях романа связано с представлениями о времени, присущим традиционной русской культуре. Так, казаки в романе «Тихий Дон», как правило, пользуются относительной хронологией, которая заключается в том, что временные рамки какого-либо события определяются не конкретными датами, а по отношению к религиозному празднику. Кроме православного календаря, основой для систематизации привычного казачьего мира становится природное время, подчеркивающее цикличность всего происходящего. В следующих частях романа биографическое время героя включается в широкий поток времени, связанного с исторической эпохой, что приводит к изменению ощущения длительности времени. Способ изображения событий на временной оси соотносится уже с общепринятой системой мер и координат, обозначающих короткий промежуток времени (*миг, минута, секунда*). Лексико-фразеологические единицы характеризуются семантикой неопределенности временных параметров, т.е. в восприятии времени главным героем отсутствует календарное время с указанием на точные даты. Немаловажную роль в темпоральной системе героя играет память, которая устанавливает связь между прошлым и вневременностью. Следует отметить, что прошлое и настоящее в восприятии героя неравнозначны. Так, настоящее связано с наивысшей концентрацией действия, это время рационализованное, точное, конкретное. Эскурсы в прошлое героя несут важнейшую композиционную и содержательную нагрузку, образуя противопоставление с настоящим. Таким образом, «личное время» главного героя романа не является неизменным, оно развивается в соответствии с происходящими в его жизни и в мире в целом событиями, в соответствии с эволюцией образа, имеет аксиологическую направленность.

Список источников

1. Брагина Н. Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 5. С. 3-13.
2. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
3. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4-х кн. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. Кн. 1-2. 701 с.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4-х кн. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. Кн. 3-4. 797 с.

THE TIME OF THE MAIN CHARACTER OF M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON"

Okhalina Anna Alekseevna, Ph. D. in Philology
Tyumen industrial University
griana31@mail.ru

The article deals with the time of the main character of M. A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don". Particular attention is paid to the change in the perception of the time by Grigori Melekhov according to the events taking place in his life and in the world as a whole. As a result of the study of the lexemes and phraseological units with a temporal meaning in Grigori Melekhov's speech, the peculiarities of the representation of temporality in the speech of the protagonist, which is formed on the basis of personal time experience, and associated with various experiences, are identified.

Key words and phrases: perceptual time; cyclical time; linear time; temporality.

УДК 81

На материале текстов ведущих газетных изданий периода хрущевской «оттепели» выявляется вербальная реализация, а также особенности функционирования такого важного семантического компонента в структуре концептуализируемого понятия «деревня», как «новое». Автор особо подчеркивает обусловленность смыслового наполнения исследуемого компонента экстралингвистическими факторами, характеризующими газетный дискурс выбранного периода.

Ключевые слова и фразы: газетный дискурс; концептуализация; концептуализируемое понятие «деревня»; семантический компонент концептуализации.

Перова Елена Анатольевна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
enja10@mail.ru

**«НОВОЕ» КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ДЕРЕВНЯ» В 1950-1960-Е ГГ.**

В газетном дискурсе периода хрущевской «оттепели», выдвигающем в тематический авангард проблемы подъема сельского хозяйства и провозглашающем лозунг: «Повернуться лицом к селу», – в качестве базового

выступает концептуализируемое понятие *деревня*. Анализ печатных материалов (в своей работе мы опирались на публикации таких ведущих изданий, как газеты «Правда», «Труд», «Сельская жизнь» (с 1953 г. по 1960 г. – «Сельское хозяйство») 1950-1960-х гг., общим объемом 1116 текстов) позволил выявить в составе исследуемого феномена такой значимый семантический компонент концептуализации, как *новое*. Упоминание о *новом* в той или иной лексической реализации находим в 639 текстах, что позволяет нам отнести данный компонент к ближней периферии концепта.

Семантический компонент *новое* в структуре концептуализируемого понятия *деревня* получает реализацию в единицах *новый*, (*-ая, -ое*), *по-новому*, *новь*, *нововведения*, *новшества*, а также *небывалый*, *иной*, *передовой*, *прогрессивный* и др. Например:

(1) *Вместе с тем это и есть реальность нашей новой колхозной деревни, это и есть то, что составляет самую ее сущность* [13, с. 3].

(2) *Хозяйничать по-новому, как того требует сентябрьский Пленум ЦК КПСС <...> теперь понимаете, что значит новая роль МТС* [7, с. 2]?

(3) *Новые широчайшие горизонты открываются перед колхозной деревней, горизонты нового подъема, нового расцвета. То, что мы имеем, даже самого хорошего, уже недостаточно теперь* [Там же, с. 3].

(4) *Теперь жизнь уже иная <...> В гору пошли* [9, с. 2].

(5) *Еще никогда в колхозе не внедрялись так широко передовые методы* [20, с. 4].

(6) *Новь всюду входит в жизнь старого села* [25, с. 4].

То *новое*, что характеризует деревню 50-60-х гг., не всегда конкретизируется (как это демонстрировали предыдущие примеры: *новая роль МТС*, *новая сила*, *новый расцвет* и пр.) и часто дается в дискурсе обобщенно, как совокупный образ целого комплекса безоговорочно положительных преобразований и действий:

(7) *И хотя то, что есть уже нового, все еще незначительно, поистине пору окрыления переживает колхозная деревня* [7, с. 3].

(8) *Трудовыми буднями колхозной деревни, их осязаемыми результатами как бы выверяется то новое, что утверждается в ней, крепнет и дает свои добрые всходы. Новое, так не похожее на очень знакомое нам по прежним годам, ощущаешь здесь с первых минут даже в его внешних приметах* [16, с. 2].

(9) *Школьники видят, как прекрасны советские труженики в их стремлении к лучшему, как смело они дерзают, творят новое, как велика их воля к труду* [22, с. 2].

(10) *Он рад всему новому, что каждый день так полно и весомо входит в его жизнь* [10, с. 3].

Новое затрагивает не только внешнюю сторону жизни, но и является отражением внутреннего состояния человека, который должен прогрессивно мыслить, остро чувствовать значение и масштабы совершающихся перемен:

(11) *Воспитывать в среде молодежи таких работников, которые сумели бы правильно приложить свои молодые силы, управлять сложной сельскохозяйственной техникой, двигать ее вперед, обладали бы чувством нового, без которого нельзя заметить и поддержать передовую мысль* [4, с. 1].

(12) *И сколь выгодно отличаются те люди смелостью, верой, глубочайшей искренностью своего поступка и сознанием всей важности происходящего нового подъема в жизни советской деревни* [7, с. 2].

В контекстуальном окружении с *новым* почти повсеместно соседствует *старое*, представленное также синонимами *устаревший*, *отсталый*, *отживший* и др. Под *старым* подразумеваются устаревшие методы руководства, человеческие привычки, образ труда, быта, досуга в деревне и т.д. Нужно отметить, что *новое* и *старое* – это не просто антонимическая пара: в этих единицах, а также в их многочисленных синонимах, реализуется или подразумевается семантика настоящей борьбы, противостояния, столкновения. Подтверждение находим в примерах дискурса:

(13) *Теснить старое приходилось с боем <...> редели ряды поклонников старинки* [14, с. 4].

(14) *Важно <...> по-новому глянуть на самого себя и понять перемену! Понять новое! <...> А вот старое <...> оно еще крепко себя держит, мешая новому; новое сталкивается со старым, и часто эти столкновения очень острые* [8, с. 2].

(15) *В первые месяцы работы было у меня много неудач. Но я пережил немало и радостных дней, испытывал подлинное удовлетворение, когда видел, что новое пробивает себе дорогу. Нужно повозиться как следует, убедить людей в преимуществах прогрессивных приемов агротехники, в более совершенных формах организации труда, и они отступят от старых привычек* [12, с. 2].

(16) *Ищите и применяйте, товарищи, все новое и передовое, отбрасывайте прочь все устаревшее и отжившее* [21, с. 2].

Однако в борьбе *старого* и *нового* часто просматривается недоверие, страх перед всем прогрессивным, что так настойчиво вводится властью в жизнь колхозной деревни (ср.: *Новая жизнь, новые понятия властно стучались в двери их селения* [3, с. 6]). Этот страх может быть объясним неясным видением конечного результата, боязнью навредить (к примеру, посевам и пр.), неприятием резких перемен как таковых и вообще всего нового, незнакомого:

(17) *Жизнь <...> протекала своим чередом: шел ремонт тракторов <...> Все это были привычные дела, поддавались они сравнительно легко, а новое, непривычное давалось с очень большим трудом* [8, с. 2].

(18) *Тракторы и культиваторы у нас есть <...>, но на плантации пускать их сейчас боимся: как бы не вышло повреждения растений свеклы; это «как бы не вышло» дает достаточное представление о том, насколько отстают от жизни руководители <...> Руководители <...> МТС упорно цепляются*

за устаревшие способы обработки посевов. Они поставили будущий урожай в зависимость от производительности... тляки. Результаты таких отсталых настроений уже налицо [26, с. 3].

(19) *А сердце у Водогреева екало: вдруг неудача, <...> пугали нововведения <...> недоверие к новому сменялось уважением* [1, с. 2].

Отметим, что в газетном дискурсе подобное недоверие селян к новшествам получает отрицательную оценку.

Корни такого отношения ко всему *новому* следует искать в специфике села и самой природе крестьянства. Исследователь П. П. Великий так пишет об этой особенности: «Специфику села как территориально-поселенческой общности характеризует и особый механизм передачи социального опыта, преемственности между новым и старым. Многие века крестьянство пользовалось опытом предыдущих поколений, не внося в него почти никаких изменений. Способы выполнения трудовых операций, бытовые отношения, досуг, духовное общение без каких-либо существенных изменений усваивались каждым новым поколением. Чем старше был человек, тем более опытным он считался. Большую роль в познании природы и в отношении к ней играли интуиция и здравый смысл. Научное знание жизни сельского населения занимало незначительное место. Так повторялось из века в век, все новое воспринималось крестьянством с большим недоверием» [6, с. 19–20].

Пониманию такого недоверчивого и опасливого отношения деревенского жителя к новшествам помогает и учет особых условий, в которых протекал сельский труд: «Работа в природных условиях вырабатывала у хлебопашца основательную и осторожную медлительность суждения и поведения, недоверчивость к непроверенным на собственном опыте новшества, которые могли обернуться и несчастьем» [23, с. 46].

Категоричное внедрение нового, безапелляционный тон в борьбе с пережитками, демонстрируемые в текстах дискурса, были обусловлены многими экстралингвистическими факторами, диктуемыми спецификой выбранного временного периода. Именно поэтому в газетных материалах, как правило, не встретим бережного и внимательного отношения к патриархальным устоям в деревенском укладе в смысле традиционного ведения хозяйства. А поскольку повсеместно, и это касалось всех без исключения СМИ, насаждалась идея единственно верного курса правящей партии, постольку и недоверие к *новому* как недостаточная уверенность, недостаток веры никогда не оставалось без внимания, и часто в текстах встречаем антонимическую пару *недоверие – уверенность*:

(20) *Если бригадыры <...> с недоверием относились к некоторым новшества, то теперь они становятся активными моими помощниками в осуществлении прогрессивных приемов агротехники. А у них появляются свои помощники. Это вселяет чувство уверенности за успех дела* [12, с. 2].

Отметим, что семантика борьбы *нового* со *старым* может быть выражена имплицитно и выводиться из совокупности смыслов отдельных единиц, как в следующем примере:

(21) *Свое счастье Гунина нашла в колхозном строе, давшем ей и таким, как она, великую силу. Много трудностей пришлось встретить на своем пути пионерке новой жизни в приволжской деревне. Ее не напугали коренная ломка крестьянского уклада, истерические кликушества и пророчества маловеров, старицкая брань, кулацкий обрызг* [18, с. 2].

Новые технологии оттесняют старые, молодое поколение, горячее, активное, напористое, обгоняет стариков; осознание деревенскими жителями совершающихся преобразований, пожалуй, наиболее ярко отражено в следующем примере, представляющем собой развернутую метафору:

(22) – *Оттеснит... Разлив, брат! <...>*

– *Какой разлив?*

– *Половодье... Знаешь, как начинается? Тут снег подъело, там... ручеек побежал, с другим слился. Глядь – в логу вода бурлит, снег закручивается... пошла! Речка еще кряхтит, упирается, а ручьи несутся, кипят и – лед в куски, вода у берегов... Стоишь, дивишься – дух захватывает: летит такая сила... И что ни захватит по дороге, все вперед несет. Иное бревнышко суковатое к берегу притрется, в заводи застоится, в ил всосется, вроде уж и пристроилось – ан нет: двинет его, – глядь, уже по стрежню летит* [11, с. 3]...

Единицы *разлив*, *половодье* вызывают ассоциацию с тем *новым*, что совершается в деревне; *ручьи* – это, вероятно, и молодое поколение, готовое к большим свершениям и переменам, и одновременно отдельные маленькие преобразования, которые, соединившись, способны совершить грандиозный прорыв; *речка под льдом* – как собирательный образ всего старого, отжившего, неподатливого; под *суковатым бревнышком* подразумеваются те отдельные люди, которые пытаются ухватиться за прошлое, сопротивляются нововведениям и пр. Главное, что угадывается в данном примере, – разлив реки весной всегда неминуем, разбухшая после длительного зимнего бездействия, эта сила поистине грандиозна, как грандиозны и начавшиеся преобразования на селе. Созерцание половодья, как и всего того, что совершается в сельском хозяйстве в 50–60-е гг., преображая деревню, – красивое и жизнеутверждающее зрелище для прогрессивного человека, смотрящего в будущее.

Большое значение для деревенского труда, что демонстрируется в дискурсе, имеет *новый порядок планирования* как исключительно положительное преобразование:

(23) *Развязав творческую инициативу тружеников деревни, планирование по-новому позволило вскрыть такие резервы роста хозяйства, о которых раньше и думать нечего было. Новый порядок планирования повысил заинтересованность людей в развитии колхозного и совхозного производства, поднял их ответственность за положение дел в хозяйстве, их трудовую активность* [24, с. 1].

(24) *Новый порядок планирования сельского хозяйства развязал творческую инициативу колхозников, направленную на выявление резервов для крутого подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства* [28, с. 2].

Еще одной и чуть ли не самой главной приметой *нового* является появление народной критики в деревне:

(25) *Учтите сверх того недавние – такие ясные, жизненно мудрые – решения о сельском хозяйстве, и вы поймете, отчего в станицах и на хуторах столько чудесной бодрости, трудовой страсти, новых и новых замыслов... И вот еще что: все здесь в один голос удостоверяют, что никогда на отчетно-выборных собраниях не бывало такой крепкой («ажник до печенок») народной критики, как нынче [17, с. 2].*

Нужно отметить, что *новое* ассоциируется исключительно с положительными изменениями и преобразованиями. *Новое* характеризует настоящее и противопоставлено былому, прошлому деревни как собирательному образу всего старого, отсталого, отжившего:

(26) *Наше время – время непрерывных обновлений. И хотя годы старят человека, он в чем-то всегда молод <...> вижу: лет ему набежало много, а разумом помолодел, живет новыми понятиями, представлениями, интересами, и иногда даже сам над собой посмеивается – до того ему кажется устаревшей когда-то мутившая рассудок привязанность к собственному клочку земли, к тощей лошаденке, если она у него была, ко всему, что хоть отдаленно напоминает былую деревню. Где она теперь, эта деревня! Кольцовка сегодня – это город-сад [19, с. 4].*

(27) *Властно входит новое в жизнь заволжской деревни. Но живет еще и старое, дурное. И чем скорее будет оно изжито, тем успешнее будут решаться задачи, поставленные перед сельским хозяйством партией и правительством [2, с. 3].* Прошлое деревни предстает в дискурсе как образ горестного опыта, который всячески искореняется в настоящем; воспринимается как ошибка и заблуждение, помутнение. Возврат к былому опыту невозможен и запрещен. Прошлое деревни темно и неразумно. И чем сильнее омрачается оно на страницах дискурса, тем светлее и радостнее предстает настоящее и будущее деревни. Лексическая единица «властно» («новое властно входит в жизнь» и пр.) красноречиво определяет характер внедрения всего *нового* в деревне: напористо, порой насильственно, без возражений, в приказном порядке, с требованием беспрекословного исполнения и т.д.

Итак, *новое* повсеместно ведет борьбу со *старым*, отжившим. *Старое* еще крепко держится на своих позициях, не желая подчас уступать место *новому*. Поэтому *новое* вступает в жизнь не беспрепятственно. Подтверждением является употребление в указанных примерах таких единиц и сочетаний, как *пробивается, острые столкновения, новое сталкивается со старым, старое крепко себя держит, мешают, теснить старое приходилось с боем* и т.д. Можно провести аналогию со сказочным противостоянием добра со злом, где в роли добра выступает *новое*, а зла – *старое*, которое доживает последние дни в деревне. Победа *нового* преподносится как априорный факт.

Привлечение широкого дискурсивного контекста позволяет увидеть нового крестьянина:

(28) *(Партия) воспитала нового крестьянина, приобщила его к коллективному, созидательному труду, вооружила техникой, знаниями, привила глубокое понимание общественного долга. И этот новый крестьянин предстает сегодня перед миром как вдохновенный преобразователь [5, с. 1].*

Данный пример дает возможность увидеть официальный взгляд на нового крестьянина, проследить своеобразную эволюцию его становления: глаголы *воспитала, приобщила, привила*, с одной стороны, выражают степень заботы о простом труженике, небезразличие к его судьбе, будущему, с другой же – демонстрируют отношение к былому крестьянину как к неразумному существу (единицы *воспитать, привить* применяются чаще в отношении ребенка или же человека, изначально не обладающего какими-либо полезными общественно значимыми качествами). Партия, колхозный строй предстают в роли творца нового человека-труженика с измененным сознанием. Красноречиво в данном случае употребление в текстах дискурса таких единиц, как *перелом, ломка* (ср.: *Но в отстающие мы себя зачислять не хотим совсем по иным мотивам. У нас происходит крутой перелом в сознании колхозников, а не только в хозяйственных делах [15, с. 2]*), содержащих в своей семантике элемент насильственного вторжения, кардинального вмешательства.

Исследователь Т. Шанин так рассуждает об этом процессе «превращения»: «На протяжении более ста лет сельское хозяйство России и работавшие в нем люди рассматривались руководством страны в качестве объекта воздействия, то есть как проблема, требующая своего решения, и как социальный слой, нуждающийся в изменении собственной природы. Большинство правящего класса неизменно видело в российском крестьянстве помеху развитию страны и главную причину ее отсталости – этакое царство дикости, населенное обездоленными и невежественными людьми. Оно должно было уйти от прошлого в процессе строительства нового, лучшего мира» [27, с. 420–421].

Как видим, результаты проведенного нами концептуального анализа подтверждаются выводами историков, социологов, философов.

Таким образом, *новое* как семантический компонент концептуализации понятия *деревня* предстает в газетном дискурсе периода хрущевской «оттепели» в виде комплекса смыслов: это новый взгляд сельского жителя на себя и то, что происходит вокруг, это новый стиль руководства в деревне, новый порядок планирования, новые методы обработки земли и получения урожаев, новая сельскохозяйственная техника, новые земли, приспособляемые под сельское хозяйство, новые постройки (жилые дома, дома культуры и т.д.) и, в конце концов, это новый крестьянин и новая деревня, которые никогда уже не станут прежними, в том смысле и в виде, в каком многие привыкли их воспринимать. *Новое* характеризует настоящее и определяет ближайшее и далекое будущее колхозной деревни.

Что включает в себя понятие *новый крестьянин*? Это, прежде всего, технически и научно подкованный специалист, обладающий прогрессивным образом мышления в вопросах труда, досуга; в новых условиях

(согласно актуальной терминологии) это работник сельского хозяйства, старательно приравняемый властью к рабочему классу. *Новая деревня* в газетных текстах – это сегодняшняя деревня, с передовыми методами руководства, способами хозяйствования на земле и передовым сознанием колхозников. Примеры доказывают, что старая (то есть доколхозная) деревня как собирательный образ крестьянского мира, занятого ручным трудом, получает крайне негативную оценочность на страницах дискурса.

Важно отметить, что все перечисленные коннотации, обнаруженные в текстах газетного дискурса, часто даются в качестве обобщенного образа. Можно заключить, что *новое*, данное в таком виде, тяготеет к так называемой нулевой семантике или «пустой» концептуализации, ведь что есть *новое* в отношении деревни – каждый должен был сам безошибочно определять, осознавать, чувствовать, однако употребленное в контексте без поясняющих лексем это понятие теряет конкретизацию, а значит, уводит читателя от ясности происходящего, вуалирует истинное положение дел в деревне и сельском хозяйстве.

В качестве перспективы исследования представляет интерес проследить, как трансформируется отношение к *новому* и патриархальному деревни в последующие десятилетия, когда приходит осознание: «Не все то, что появляется сегодня в селах, есть новое, передовое по своему существу <...> Новое без поиска живого, положительного в многолетнем опыте не имеет корней» [23, с. 50]. Именно властное внедрение всего *нового*, передового, о чем свидетельствуют материалы исследуемого нами газетного дискурса, позволит в дальнейшем сформировать иной взгляд, согласно которому рождение подлинно новых культурных ценностей возможно только через восприятие живых традиций крестьянского бытия.

Список источников

1. **Беляев М.** Петр Водогреев и его бригада // Сельское хозяйство. 1954. 3 января.
2. **Беляев М.** Соседи // Сельское хозяйство. 1954. 6 июня.
3. **Бицуев М.** Птичка-невеличка // Сельская жизнь. 1964. 18 января.
4. **Будьте первыми в работе, молодые труженики деревни!** // Сельское хозяйство. 1955. 16 октября.
5. **Вдохновенный труд советского крестьянина** // Правда. 1964. 18 июля.
6. **Великий П. П.** Духовная жизнь советского села. М.: Мысль, 1982. 207 с.
7. **Величко В.** Дороги ведут в МТС // Правда. 1954. 23 января.
8. **Величко В.** Дороги ведут в МТС // Правда. 1954. 24 января.
9. **Венцлова А.** В колхозные поселки // Правда. 1954. 11 апреля.
10. **Внук Н.** В степях Казахстана // Труд. 1954. 23 апреля.
11. **Грибачев Н.** Кузница // Правда. 1954. 1 января.
12. **Давыдов А.** Агроном в колхозе // Правда. 1954. 15 января.
13. **Жданов Н.** Труд и творчество миллионов // Сельское хозяйство. 1955. 7 июня.
14. **Иванченко Н.** Зрелость колоса // Сельская жизнь. 1964. 9 февраля.
15. **Иманкулов Ж., Жалилов Х.** На подъеме // Правда. 1964. 20 февраля.
16. **Кожин А., Семенов М.** Всходы // Правда. 1964. 7 июня.
17. **Колосов А., Кривенок Я.** В саду // Правда. 1954. 12 апреля.
18. **Колосов А., Рябов И.** Любовь Гунина // Правда. 1954. 26 февраля.
19. **Коротков С. К.** Моя Кольцовка // Сельская жизнь. 1964. 18 января.
20. **Кременской А.** Живая струнка // Сельское хозяйство. 1955. 12 июня.
21. **Мальцев Т. С.** За обильные урожаи // Сельское хозяйство. 1956. 1 января.
22. **Печерникова И.** В сельской школе // Правда. 1954. 27 мая.
23. **Симуш П. И.** Социально-философские проблемы развития села. М.: Знание, 1982. 64 с.
24. **Творческую инициативу тружеников села – на дальнейший подъем сельского хозяйства** // Сельское хозяйство. 1955. 16 декабря.
25. **Хохлов В.** Есть в России такое село... // Сельская жизнь. 1964. 26 декабря.
26. **Целинов А.** Поклонники тяпки // Сельское хозяйство. 1954. 22 июня.
27. **Шанин Т.** Четыре модели развития советского сельского хозяйства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ.; сост. Т. Шанин. М., 1992. 432 с.
28. **Яковлев И.** Опыт колхоза села Калиновки // Сельское хозяйство. 1955. 8 декабря.

“THE NEW” AS A SEMANTIC COMPONENT OF THE NOTION “COUNTRYSIDE” CONCEPTUALIZATION IN THE 1950S-1960S

Perova Elena Anatol'evna
Kuban State University, Krasnodar
enja10@mail.ru

By the material of the leading newspapers of the Khrushchev's "thaw" period the paper analyzes verbal realization and the peculiarities of functioning of the semantic component "new", the key one in the structure of the conceptualized notion "countryside". The author emphasizes the determination of the described component's semantic filling by extra-linguistic factors typical for newspaper discourse of the mentioned period.

Key words and phrases: newspaper discourse; conceptualization; conceptualized notion "countryside"; semantic component of conceptualization.